

Звучащая мысль

ЗАМЕТКИ О ФИЛЬМЕ «ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ»

Робкий, трепещущий сад. Почти намок. Сад, тут же готовый исчезнуть, растаять. Но... не исчезает. Голос, зазвучавший в этот миг, как бы его удерживает, заставляя прислушаться к себе.

«У каждого человека есть своя родина—«мекен» по-киргизски. Моя родина, земля, на которой вырос. Разумеется, не вся она цветущий сад, но именно такой, в ее умиротворенной пластике и светотени, вспоминая я и представляю себе таинственную землю...»

Если бы я находился в космическом путешествии во Вселенной, о земле я думал и грешил бы образом Шекера. Здесь мои истоки, здесь жили отцы и предки, здесь познавалась жизнь, здесь складывалась судьба...»

Так начинается сделанный на «Киргизфильме» режиссерами-документалистами В. Виленским и К. Орозалиевым фильм «Чингиз Айтматов». Слово писателя мы слышим прежде, чем увидим в кадре его лицо. Обстоятельство, заметим, принципиальное. Старая мудрость гласит, что истинное наслаждение от книги, которое слушается испытать читателю, бы-

вает всякий раз, когда он думал найти писателя, а нашел человека. Такое происходит, если и писатель в свою очередь всем существом стремится навстречу человеку не с тайной целью явиться перед ним в позе «жреца муз», не в роли изрекателя истины, а движимый насущной потребностью в живом общении с «неизменным» и «вечным» другом. Суть таких взаимоотношений—исповедь. Она предполагает необходимого (у Айтматова и неизбежного) собеседника. Не обязательно, что это будет ответ «вслух». Здесь диалог—от сердца к сердцу.

Мир, который живет на экране, поразительно нов. Кажется, он только что возник. Но так оно и есть. Другое дело, что он родился в ответ на живой взгляд человека, обладающего даром глядеть «по-новому». Пронзительное чувство тайны и новизны мира, жизни-чужды не привилегия и тем более не роскошь, доступная лишь избранным, ученым или поэтам. Но, изначально присущее каждому человеку, оно, по убеждению Чингиза Айтматова, должно проявляться как подлинная сущность человека, осознавшего, что «высшее достоинство человека—ум, окрыленный свободой». Эта мысль писателя не формула и не дань прекраснотворно-наивного «вдохновения» поэта абстрактному гуманизму; она символ веры в человека, глубокой, выстраданной, добытой из недр духовного опыта народа.

Но так же, как Айтматова-писателя вдохновляет величие обыкновенного человека, пробужденного к подвигу, к творчеству эпохой, Айтматова-человека глубоко волнует не менее реальная угроза бездуховности, атрофии души, социально-

го эгоизма и в конечном счете утраты вкуса к жизни, на чем процветают разного рода буржуазные философии абсурда, бессмысленности жизни, прерывательного неверия в будущее. В столкновении двух полярных точек зрения, социально-нравственных позиций—внутренний драматизм фильма.

В фильме звучит тема памяти, звучит как лирическая исповедь нашего современника перед запечатленной в легендах, в монументальных образах «Манаса» историей, перед тенями предков (старики, как символ поколений, в молчании движущиеся через зимний перевал), перед будущим (сад, как будто расцветающий на наших глазах,—метафора бессмертия жизни). Журавли, высоко летящие в утреннем небе,—живая, бессонная нить, связующая прошлое с настоящим. Опора, от которой они ушли в полет,—земля. Писатель «отталкивается» от памяти, от нравственного и эмоционального опыта народа, человечества.

Но духовное наследие—не счет в банке. На него нужно иметь моральное право, которое Чингиз Айтматов ощущает с тем большей остротой и силой, что он, как и герои его произведений, переживает мучительную трагедию невозвратности времени, невозможности сделать счастливыми тех, кто ушел из жизни униженным и оскорбленным. Такая память обижает душу. Это мотив «Первого учителя»—фильма в фильме. Его кадры, как и кадры многих других художественных фильмов, снятых по прозе Ч. Айтматова, естественно входят в документальную ленту вместе с черно-белой хроникой первых строек, первых дней войны, первого мига Победы. «Поэзия» превращает-

ся в «документ». И наоборот. Фотографии отца, матери, безусых юношей, почти мальчишек, в солдатской форме, многие из которых не вернулись с поля боя, трагические глаза старухи, вопрошающей спустя двадцать с лишним лет: «Где ее сын, когда он вернется домой?»,—все это не музейные реликвии, извлеченные на случай из архива. Они «говорят» о суровом и прекрасном времени на языке мужества и благородства. Их голоса мы ясно различаем в книгах писателя. Слышим и тогда, когда он сам размышляет о мире и человеке или беседует с односельчанами, поэтами, художниками, композиторами (среди них Шолохов, Арагон, Антониони, Твардовский, Шостакович, Мирзо Турсун-заде...).

И мы, зрители, видим жизнь человека, истоки души и творчества, которое Чингиз Айтматов принял как долг перед людьми: «...я думал лишь об одном, как оправдать надежды людей, если они видят во мне своего писателя. Они не должны были ошибиться, я обязан был доказать всей своей жизнью, что они не ошиблись, и здесь был лишь единственный путь—познание народной жизни: знать за всех, чувствовать за всех, болеть за всех, думать за всех». Эта изначальная мысль писателя эхом откликнется, отзовется в финале фильма: «Одной присяге я буду верен по-прежнему. Сказано давно до нас и навсегда: «Людей я несу в себе всюду, куда ни пойду. Они наполняют меня и будут наполнены мною...»

Следуя за мыслью писателя, мы нашли человека.

Владимир КОРКИН.

● Чингиз Айтматов.